

Огонь.

Мир Гарри состоял из огня, крови и дыма.

Огонь.

Он был охвачен огнём, настолько сильным, что само слово потеряло смысл. Босиком он бродил по огню в полном изумлении.

Расфокусированными и затуманенными глазами он наблюдал за окружающими его страданиями: мать сжимала своих детей, когда на них рухнул дом, подросток отчаянно пытался вытащить своего брата из-под каких-то лучей, но был сожжен, когда на улице взорвался газопровод, Мальчик примерно того же возраста, что и Гарри, сжал почерневший обрубок руки своей матери, когда жизнь угасла в ее глазах.

Несмотря на все это, Гарри понял, что ничего не чувствует к этим людям. Ни жалости, ни печали, ни боли.

Ничего такого.

Его даже не испугала эта мысль, мысль о том, что он ничего не чувствует.

Последним, что увидел Гарри, был мужчина в плаще, спотыкающийся в аду так же, как и сам Гарри. Он уже собирался окликнуть мужчину, когда услышал скрип, и дом над ним рухнул прямо на него.

Зокен Мато шагал по дымящимся руинам города Фуюки, ни о чем не заботясь. Поскольку это жалкое оправдание для мага Эмия уничтожило этот Грааль, он был вынужден разгребать пепел в поисках его осколков.

Когда он приблизился к центру города, он почувствовал импульсы праны, исходящие от груды сгоревшего металлолома, который когда-то был зданием. Он не мог поверить своей удаче, когда отправил своих фамильяров на поиски обломков. Когда вместо осколков Грааля его фамильяры скормили ему образы мальчика без сознания, Зокен не мог не удивиться.

Из любопытства он приказал своим червям убрать мусор, чтобы он мог провести более тщательный осмотр. Импульс структурного анализа показал, что у этого мальчика было сто двадцать пять магических цепей поразительного качества. Для мага первого поколения это было беспрецедентно, но для мальчика это было единственным возможным объяснением.

Внутреннее множество цепей никогда не активировалось, так что до сих пор он не обучался магии, и будь он членом семьи, они бы уже начали передавать ему герб. Вместо этого этот мальчик был чистым листом.

Он как раз собирался приказать своим фамильярам сожрать мальчика и поглотить его энергию, когда в его голову закралась особенно коварная мысль.

Кария потерпел неудачу в своей роли Мастера из-за неопытности и слабости. Текущий план Зокена состоял в том, чтобы использовать свое новое приобретение, Сакуру, жениться на его внуке Синдзи и восстановить клан Макири. Конечно, это привело к проблеме, что Синдзи был бесполезен и как маг, и как человек. Любое будущее, построенное на крови Синдзи, будет навсегда испорчено.

Этот мальчик перед ним представил возможность, которая вряд ли повторится. Перед ним был ключ как к победе в следующей Войне Грааля, так и к возрождению линии Макири.

Да, казалось, что перспективы замужества юной Сакуры только что радикально изменились.

Теперь мальчика нужно было просто тренировать.

Боль.

Мир Сакуры состоял из боли, криков и червей.

Боль.

Последние три дня она пролежала в этой яме, пожираемая изнутри и снаружи червями ее нового дедушки. Ее тело и разум были полностью изнасилованы способами, о которых пятилетняя девочка даже не подозревала. Она кричала так долго, что это перестало быть даже сознательным действием.

Боль никогда не прекращалась. Даже после трех дней воздействия боль не притупилась. Каждый неустойчивый пульс вызывал новую волну новой, незнакомой боли по всему ее телу. Как будто черви развлекались, изобретая новые способы причинить ей боль и разрушить ее разум.

Она даже не вздрогнула, когда услышала стук дедовской трости, спускающейся по ступеням к червоточине.

Возможно, до всего этого звук мог внушать надежду на передышку, но не сейчас. Она была сломана. Вместо этого она просто тупо лежала, пока звук приближался.

«Хорошо ты поступила, внученька, больше, чем я ожидал, чем от тебя, — раздался скрипучий голос дедушки, — в поздравление приношу и хорошие новости, и сюрприз».

Сквозь чирикание червей она услышала тяжелый стук чего-то мясистого, брошенного на

каменный пол рядом с ее дедом.

"Я привела тебе товарища по играм, дорогая. Разве это не чудесно?" — усмехнулся он. Ленивым толчком ногой мальчик упал в яму рядом с ней, и черви с ликованием нырнули в него. Он кричал и корчился от боли, когда черви прогрызали себе путь внутри него.

Зокен с явным садистским восторгом смотрел на своих фамильяров за работой: «Кроме того, хорошая новость заключается в том, что как только вы оба привыкнете к червям, ваши «уроки» с ними сократятся до еженедельных. Вместо этого юный Гарри здесь будет занимать свое место каждую ночь».

Стук трости начал подниматься вверх по лестнице.

— Спи спокойно, — бросил Зокен через плечо, уходя, едва слышный из-за криков Гарри в агонии.

Когда дедушка ушел, Сакура взглянула на новичка в яме. Их взгляды встретились одновременно, и она увидела, как он, казалось, сосредоточенным усилием перестал кричать.

Зеленые глаза встретились с фиолетовыми, и единственная рука схватила Сакуру.

Она тоже перестала кричать.

Двенадцать лет спустя двое любовников пребывали в посткоитальном блаженстве.

Задыхаясь, Сакура переместилась еще дальше в объятия Гарри, когда он провел пальцами по ее красивым фиолетовым волосам. Он тоже тяжело дышал — результат их пятого раунда в тот день.

Интересным фактом о гребневых червях Зокена было то, что они оказывали почти обратное воздействие на мужчин и женщин. У таких мужчин, как Гарри, они питались различными частями тела и взамен производили прану. Поскольку Карию нужно было превратить из необученного мага в мастера, готового к Войне Грааля, за считанные месяцы, Зокен более или менее позволил своим червям следовать за ним. Однако с Гарри Зокен не торопился, чтобы избежать ненужных повреждений.

Гарри уныло взглянул на свою истощенную ногу, когда подумал об этом.

Несмотря на «сдержанность» Зокена, черви перерезали большую часть нервов в его правой ноге, превратив ее в бесполезную плоть. Нога атрофировалась, и Гарри сомневался, что сможет снова ею пользоваться, даже если сможет удалить червей и вылечить ее. Другой жертвой стал его левый глаз, поскольку черви съели набор нервов, соединяющих его с мозгом. Ему пришлось украсть у Тосаки некоторые исследования в области драгоценных

камней, чтобы создать замену.

Из примерно круглого изумруда он модифицировал его, чтобы он напоминал его функционирующий глаз, и зачаровал его теми же ритуалами, которые позволяют магу видеть глазами своих фамильяров, наряду с несколькими другими незначительными изменениями.

Что требовало осторожного управления, так это его способность праны. Всякий раз, когда его тело лишалось праны, в которой любили греться черви, они волновались и начинали грызть его. Если их не лишать, их атаки станут более злонамеренными и начнут наносить непоправимый ущерб.

На женщину, вроде Сакуры, черви оказывали противоположный эффект. Черви Сакуры были в основном пассивны, так как медленно накапливали прану. Когда в ее теле было достаточно праны, чтобы спровоцировать червей, они выпускали в ее кровь мощный афродизиак. Это вызвало у нее большие... страдания примерно в то время, когда ей исполнилось тринадцать, так что Гарри взял на себя ответственность... отсрочить ее.

« Хотя, — подумал Гарри, проводя незанятой рукой по ее обнаженному телу, и она удовлетворенно замурлыкала, — это не совсем уж великая жертва...»

Таким образом, они совершали свой маленький ритуал не реже одного раза в неделю. Сакура передаст ему свою накопленную прану посредством этого тантрического ритуала, а Гарри сохранит переданную прану в своих червей, чтобы удовлетворить их и использовать позже, если она ему понадобится.

Благодаря этому сотрудничеству оба держали своих червей в усмирении и сдерживании.

Конечно, подумал Гарри, наконец отдышавшись, иногда действие афродизиака проходит довольно долго. Он вспомнил об этом, когда Сакура скользнула сверху и накрыла его губы своими.

Гарри был рад ответить взаимностью.

Еще через два раунда Сакура отпустила Гарри. Выходные, подобные сегодняшнему, были одним из немногих случаев, когда Гарри мог немного поспать без школы или червей, с которыми ему придется столкнуться сегодня вечером. Таким образом, с его последней кульминацией, она подарила ему последний долгий страстный поцелуй и попросила немного отдохнуть перед сегодняшней ночью. Он с радостью согласился, когда его голова почти мгновенно рухнула на подушку.

Она улыбнулась, глядя на него сверху вниз, прежде чем поймать себя виновато.

Она не заслуживала счастья, особенно из-за этого. Со вздохом она соскользнула с кровати и

прошлепала в ванную, где набрала себе горячую ванну.

Когда она погрузилась в дымящуюся воду, чувство вины снова захлестнуло ее.

Сакура Мато любила Гарри. Это был факт, который она знала с тех пор, как он впервые взял ее за руку в яме. Через ее разбитый разум сиял единственный маяк света в форме Гарри. С того дня он стал центром ее жизни. По ее мнению, солнце вставало утром и садилось только ночью из-за Гарри.

После того, как их дед вытащил их из ямы через две недели подряд, она сделала все возможное, чтобы выразить свою благодарность.

Когда у нее только начался период полового созревания, черви начали... реагировать на нее. Сначала она пыталась игнорировать это, откладывать, но в конце концов это стало для нее невыносимо. Ее тело плакало по Гарри, но она не могла заставить себя просить его об этом. Она боялась дать ему понять, насколько грязным человеком она была внутри, неспособной контролировать свои собственные побуждения. Поэтому вместо этого она пошла к Синдзи, который с радостью сорвал с нее юбку и заставил лечь на кровать.

Она вскрикнула от неожиданности и, по-видимому, насторожила Гарри, потому что следующее, что она знала, это Синдзи, лежащий на полу, и Гарри обрушивший на него дождь ударов. Как только Синдзи потерял сознание, Гарри привел Сакуру в одну из пустых спален, усадил ее и потребовал объяснений.

Не в силах сдержать себя, она расплакалась и умоляла его взять ее.

Ей было противно думать, что это была самая чудесная ночь в ее жизни. Она заставила Гарри лечь с таким грязным, оскверненным существом, как она, и была этому рада. Ее утешало только то, что он получал от этого хоть какое-то удовольствие. Он определенно был нежным, и она пыталась отплатить ему тем, что изо всех сил старалась угодить и доставить ему удовольствие.

Каким бы бесполезным оно ни было, ее тело было единственным, что она могла ему предложить, кроме своей любви.

Два пальца непрошено скользнули внутрь нее при мысли о нем, и она подавила стон. Она не хотела будить его до того, как ему придется вернуться в яму.

Позже той же ночью Гарри вернул из блаженной беспамятства предательский стук приближения Зокена. Он подавил гримасу, когда его сидение взбудоражило червей ямы. Подняв глаза, он увидел Зокена, стоящего на краю ямы с Сакурой рядом с ним.

— Встань и сияй, мой мальчик, — подхватил Зокен с фальшивой радостью, — Сегодня

особенный день!

Эти слова заставили Гарри вздрогнуть. Была только одна вещь, которая могла так взволновать Зокена.

Война Грааля.

Он, конечно, знал, что это было недалеко. Старик недавно купил уникальные реагенты для круга призыва и удвоил ставки на уроках Гарри и Сакуры. Тем не менее мысль о том, что приближается конец сделки с дряхлым червем, не успокаивала его.

«Сегодня кульминация твоих последних двенадцати лет обучения, мой мальчик. Ты не взволнован?»

— Конечно, дедушка, — дружелюбно ответил Гарри. По его мнению, чем более цивилизованным он был с червяком, тем меньше подозрений у него возникнет, когда Гарри, наконец, воткнет нож в эти костлявые ребра.

— Восхитительно, — усмехнулся Зокен, — реагенты для призыва находятся в мастерской вместе с модифицированным заклинанием для призыва. Надеюсь, ты меня не разочаруешь ?

Гарри снова улыбнулся: «Конечно, нет, дедушка».

Без лишних слов Зокен кивнул и вышел из подвала.

Как только старик ушел, Гарри проковылял через червей к лестнице, ведущей к выходу из ямы. Он остановился у лестницы и снял свою трость с крючка, на котором она обычно находилась во время «отдыха».

Сама трость была ничем не украшена, простая матово-черная трость с серебряной ручкой. Конечно, Гарри намеренно сделал его невзрачным. Внутренняя часть палки заключалась в том, где заключалась настоящая сила. Она была полый, и вся она была тщательно исписана самыми мощными усиливающими рунами, которые Гарри только мог достать. Сами по себе руны увеличивали силу любого волшебства, которое он совершал, используя трость как мистический код, на несколько порядков.

Кроме того, ручку можно было вытащить из трости в крайнем случае, что удваивалось как ручка для кинжала, сделанного из того же изумруда, что и его глаз. Он был слишком калекой, чтобы использовать кинжал в прямом бою, но он неуклонно наполнял и его, и гребешковых червей столько праны, сколько мог безопасно, на протяжении многих лет, часто дополняя его праной, отданной его Сакурой во время их ритуалов .

Как бы ему не хотелось это признавать, гребневые черви были очень эффективными

магическими гребнями. Они функционировали не только как искусственные магические цепи, но и выполняли ту же функцию, что и драгоценности Тосаки, в хранении праны. За двенадцать лет энергии в червях накопилась целая батарея праны.

Тем не менее, преимущества не стоили того урона, который они нанесли его телу.

Тем не менее, с тростью в руке, он заковылял вверх по лестнице и присоединился к Сакуре, чтобы начать призыв.

<http://tl.rulate.ru/book/81126/2490028>